

сборник рассказов

===== поколение =====

Санта- Разуваевка

Николай Лепота

Николай Лепота

**Санта-Разуваевка.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Лепота Н.

Санта-Разуваевка. Сборник рассказов / Н. Лепота — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Нет более правдивой истории, чем история жизни, ее отрывки, за которыми стоят реальные, жившие рядом с нами люди. Она может быть не полной, но точнее ее не бывает. Этот сборник рассказов создан как "открытый цикл", то есть он может быть продолжен и составлен из рассказов, практически лишенных художественного вымысла и лишь художественно обработанных. Такой была жизнь наших отцов и матерей, бабушек и дедушек. Она была трудна, но не лишена своих житейских радостей, они были иные - от малой малости, от того, что сегодня картошка не только с солью, но и с хлебом... А уж детское неуловимое счастье - живет в любые времена.

Содержание

Последний рис съели	5
Дева Мария	9
Год 1950. Ванька Чернов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Последний рис съели

...Вьюга выла который уж день, в избе было темно и серо; окно, заляпанное снежной кашей, больше походило на пробитую во льду реки и вновь схватившуюся на морозе прорубь, если смотреть в нее откуда-то снизу. Свет шел издалека, угасая. Но зато в школе отменили занятия, и пятиклассник Ванька сидел на печи, рассматривал с сестрой Шуркой картинки в календаре.

На первом листке красовалась елка с большой звездой на макушке и красными большими цифрами на серой бумаге поверх картинки – 1953. Это наступающий новый год. Скоро уж.

– Вань, что там? – Шурка свешивалась с печи, поближе к свету, тянула на себя календарь и тыкала пальцем в лисью маску на одном из водивших хоровод вокруг елки.

– Маска, – терпеливо пояснял Ванька и хватал Шурку за ногу. – Свалишься!

Шурка ужом отползла назад и вновь ткнула в календарь пальцем:

– А зачем маска?

– Ребятишки переодетые, – Ванька знал, как встречают Новый год. – Ходят по кругу и поют. А на головах у них всякие звериные рожи – волки, зайцы, а то и лисы.

– А суслики?

– Суслики не бывают масками. Они же вредители. Соображать надо.

Ванька щелкнул по лбу малолетнюю сестру, задававшую совсем глупые для пяти лет вопросы. Та почесала, сморщившись, прибитое место, но не захныкала и не устроила драку – мамка сразу бы отобрала календарь, и ничего бы она больше не увидела. Чтобы не быть безответной, она ущипнула, как могла Ваньку за бок, а тот назло ей захихикал и стал просить:

– Еще, еще... Так щекотно, как будто вшенок бежит.

– А волки разве не вредители? Они чо – полезные? – стараясь не замечать ванькиных хихиканий, спросила Шурка. – А вот маски есть. Значит и сусликовые есть.

– Дура! Это же Москва! Откуда там суслики?

– А волки?

Раздосадованный Ванька, не зная, что сказать в ответ, хотел еще раз щелкнуть Шурку по лбу, но та предупредительно сморщила нос, давая понять, что на сей раз не стерпит и так заорет, что Ванька тут же получит мокрым полотенцем по горбушке. Мамка разбираться не станет, знает, что он Шурку щелкает по лбу, «ум вышибает». А уж отец придет, он злой как раз всю неделю ходит... Тут уж Ванька взвывает!

Ванька позамахивался-позамахивался сведенными в колесико пальцами и опустил их:

– Дура! Волк – это персонаж, а суслик – просто вредитель.

Шурка рада была, что брат пошел на мировую. Не стала больше ничего говорить про волка и суслика, спросила только:

– А в Москве сейчас тоже буран?

– Радио слушать надо! – Только и сказал Ванька и стал перелистывать календарь дальше.

Шурка вновь свесилась с печи, глянула на окно. На улице стало еще темнее, так выло за углом дома, что страшно делалось. «Да, поди, в Москве тоже буран, – решила она. – Папка вчера сказал, что «теперь до города дороги позабило, и эти долбаки где-нибудь да засядут или под откос слетят». Кто и куда должен был слететь, Шурка не поняла, хоть ей и было интересно сперва, а вот то, что до самого города буран, наводило на убеждение, что и в Москве теперь кружит вьюга. От города-то до нее, поди, не далеко.

Мать у стола чистила картошку. Шурка, заглянув с печи ей через плечо, решила, что зря: картошки чуть, а эта пускает ее в очистки. Папка говорил, чтоб варила в мундире, так нет! Ладно, он злой ходит, придет, задаст ей кожурки.

Шурка обиделась на мать и надулась. Она хотела вареных горячих картошек с хлебом. Посыпать крупной сероватой солью и жевать, жевать... А эта, глянь, опять суп с луком наладилась варить. Бросит пять картошек на чугунок, лук накрошит туда, а хлеба, видать, как вчера, опять дать не додумается.

Есть так захотелось, что вот сейчас бы какую крошечку!.. Так и терла бы и терла ее на зубах. У мамки проси не проси – все равно ничего не даст.

– Вань, кабы щас лепешек на плите печеных...

Ванька дернул носом и вновь свернул пальцы в колечко. И опять передумал наказывать сестру за глупые, ненужные слова. Сам размечтался:

– Или бы полбулки хлеба. С луком. Сала настрогать мерзлого, огурцов соленых взять...

– Сала и я бы съела, – заглядывая снизу брату в глаза, обиженно сказала Шурка. – Да нету. А луку не хочу.

Из глаз ее выкатились две слезинки.

– Ладно, – нахмурился Ванька, увидев слезы, – смотри вон картинки.

Шурка придвинулась к нему и прижалась к плечу. Стала сквозь слезы рассматривать черные колы и гнутые загогулины, на которые Ванька говорил то «первое», то «двенадцатое», а то открывались картинки, и он рассказывал, что на них нарисовано, как будто она сама не видела. Шурка молчала и все думала о лепешках.

У Ваньки у самого в брюхе кто-то пел с самого утра. Что-то булькало и перекачивалось там внутри. Главное, что? Он же ничего еще не ел! Чему там перекачиваться-то?

Парнишка тоскливо осмотрел растрескавшуюся печку и вдруг вспомнил, что осенью на ней сушили сырое зерно, которое (чуть не целый мешок!) как-то вечером принес отец. Половину зерна отдали потом почему-то дяде Егору Ветошкину, который тоже унес его поздним вечером по дождю и ветру, Ванька подумал еще тогда, что зря только сушили старались.

– Ну-ка, Шурка, уйди со света, – откладывая календарь и перекачиваясь на живот, командовал Ванька. Щас мы заместо лепешек, пшеницы наедемся. Потом воды попьешь, и в животе у тебя тесто получится. Будет лежать, киснуть и помаленьку растворяться. Надолго хватит.

Шурка поспешно забилась в угол.

– Поддай-ка лучину, – продолжал командовать Ванька. И она беспрекословно подчинилась. «Всегда бы так, – мельком подумал он. – А то разноется, рассоплится...»

Из трещин, паутиной покрывавших печь, Ванька, высовывая от усердия язык, наковырял горсти две пшеницы. Потер ее меж ладоней, очищая от глины, и поделил зерна на двоих старым поржавевшим наперстком, валявшимся на печи.

Наперстком играла Шурка: шила платья куклам понарошку, а Ванька смеялся над ней и над куклами-чурбачками и говорил, что это не куклы, а палки и им платья не нужны. К этому наперстку он не раз присматривался, подумывая – не напаять ли его на палец да не шелкнуть ли Шурку по лбу таким способом? Но боялся матери: расскажет отцу и тот тоже ему чем-нибудь шелкнет... Бил отец чем ни попадя, куда попало.

– Ну, как? – перетирая зубами твердые, высохшие до какого-то деревянного состояния зернышки спросил Ванька и посоветовал: – Сразу-то не глотай. Жуй подольше. Тогда слаще. Комочком еще делается.

– Да я жую, жую. Уж так стараюсь...

– Без еды человек может жить тридцать дней, – с наслаждением перемалывая твердое зерно зубами, авторитетно заявил Ванька. – А без воды – трое суток.

– Во как! А без воздуха?

– Ну... – Он не знал точно. – С час. А то и меньше.

– И умрет.

– Умрет.

– И даже еслиф наистся?

– Даже. Это не относится. Воздух сам по себе.

Шурка повела носом, принюхиваясь к воздуху в доме. Не верилось ей, что если человек наестся, то может умереть без этого лукового воздуха. Если душить, тогда, конечно, но так... Что-то Ванька врет. Наверно, плохо в школе слушал.

– Набубнился! – Ванька с удовольствием похлопал себя по животу. – Теперь пусть набухает.

– Ага, – умиротворенно согласилась Шурка.

Повеселев, стали дальше смотреть картинки.

– Во, глянь! – Ванька даже жевать перестал.

– Угу, – не раскрывая рот, отозвалась Шурка. Потом, придерживая ладошки снизу, у губы – чтобы зернышки не упали, задирая лицо кверху, сказала: – Едят чо то.

– Каво едят-то? – недовольно процедил Ванька. – Едят... Бестолочь! – (И ее еще не дают по лбу щелкать!)

На картинке у стола сидели какие-то понурые раскосые люди, на столе стояли пустые тарелки. Снизу было написано: «Последний рис съели». Ванька посмотрел на зажатую в кулаке пшеницу, и ему жутко стало от того, что где-то последний рис съели. Дальше-то они как будут?

Тут стукнула дверь в сенках, кто-то затопал, обивая снег. Батя идет. У него бы спросить про съевших последний рис, да подступиться страшно – ходит злой, аж черный, молчит или орет на всех.

В избу, хлопая по плечам и рукавам верхонками, вошел отец Ваньки и Шурки – Иван Чернов. Был он весь в снегу, лицо мокрое и черное.

– М-м-м-м, – заскрипел зубами. – Метет!

И длинно-предлинно выматерился.

– Еле к дверям пролез. Сугробы с крышей совсем вровень. На спине вниз ехал, – и стукнул себя сзади по поле затрепанного полушубка.

– Кабы ночью-то совсем не замело, – думая о чем-то своем сказала мать. Она, склонившись, заглядывала в топку – горит ли?

Ванька наблюдал сверху за отцом. Может, отошел? Разговорится сейчас?... Матерится-то он всегда матерится, это не беда, но вот когда злой или пьяный, то лучше не подходить: что есть в руках, тем и хватит.

А Иван, устроившись на лавке, выходя из себя, сопел, натужно матерился и никак не мог стащить заскорузлые, загнутые кверху сапоги, обляпанные навозом.

Сырая кирза схватилась на холодном ветру, задубела... В этих же сапогах, скользя и спотыкаясь, он на днях семенил в сторонке от заезжего начальства, заглядывая сбоку на здоровых басистых мужиков, соображая, как бы лучше к ним подступиться.

Там, на ферме, он был совсем другой, никому не страшный, маленький и не то смешной, не то жалкий. В истертом изнутри до кожи полушубке – с большими плешинами на спине, с клочкастым воротником, – подпоясанный для тепла веревкой, с тащившимся по полу бичом, перекинутым через плечо, он шел по соседнему с тем, которым двигалось начальство, проходу и все вострил ухо: ждал, когда начнут ругать председателя, шлепавшего по навозу рядом с гостями в белых новых бурках.

Иван только что зашел с улицы, перегонял быков во двор. Намокший с утра от сырого бурана полушубок заледенел на потянувшем к обеду морозце, и стоял коробом. Иван все обминал грудь, обдергивал полы, и ждал, когда его заметят и о чем-нибудь спросят: начальство всегда разговаривало с народом.

Но это было какое-то неправильное начальство: председателя не ругало, со скотником не беседовало, а брело не спеша довольное, посматривало на быков и что-то басило добродушно.

Иван забежал спереди, встал на пути. Приезжие поравнялись, поздоровались и все же спросили:

– Ну, как дела?

– Да как-как?.. Здравствуйте вам. Как они дела-то! – Иван закрутил головой, как будто его донимали мухи. – Дела-то наши все тут. С утра до ночи все на ферме и на ферме крутимся. А здоровья уже не хватает.

При этом он сипло закашлял, демонстрируя отсутствие здоровья, и похлопал себя растопыренной ладонью по груди. И выплюнул какой-то комок на пол:

– Вот, – сказал, протягивая руку вслед комку, – скоро и легкие повылетают. В санаторий бы какой съездить хоть раз в жизни. – Слышал он, что в санаториях по три кило весу набирают.

Председатель начал его помаленьку разворачивать за рукав:

– Съездишь, Иван. Чего разгорячился-то? Мы тебя в январе на неделю на учебу в рай-центр отправим. Там тоже хорошо.

– Мне бы куда-нибудь весу поднабрать. Против ветра ходить тяжело что-то. Вялый я весь стал, Степаныч. Легкий. Хорошо бы мне мяса поесть.

А сам все заглядывал загоревшимися желтым огнем пронзительными глазами на весело поглядывающих вокруг мужиков в добротных пальто с каракулевыми воротниками. Те больше внимания обращали на быков, чем на него. Иван засуетился, стал кашлять без нужды, прикрывая рот концом кнутовища, и до того докашлялся, что уже остановиться не мог.

– Ну, давай-давай, – председатель стал настойчиво налаживать его в сторонку. Повернулся к начальству и доложил: – Поперхнулся, видать. А мужик хороший, весь молодняк на нем, – и вновь повернулся к Чернову: – Курить-то тебе надо бросать, Ваня.

Тут один из начальников, приехавших, как позже выяснилось, выбрать бычка на убой, шагнул к Ивану и запросто, чтобы тому легче было прокашляться и вольно дышалось, пристукинул несколько раз здоровенным кулаком по горбушке. У Чернова от неожиданности и мощи ударов голова задергалась, точно на тряпочку пришитая. Получалось, что он кивает благодарно или просит еще. Начальник добавил. Ивана закачало, и он вспомнил, как редко возвышающаяся против него голос жена иногда все же выкрикивает обидно: «Коршун тряпичный!» От недостатка кислорода, обиды и кашля у скотника слезы выступили на глазах.

Он кое-как перевел дух и, вытирая грязными руками слезы, выдохнул сипло:

– Фу-у! Во, мать-перемать, все легкие порвал. Прямо хоть бы раз в санаторий, хоть бы продуктов каких пожирней. А то из еды – одна махорка.

Тут он отчего-то стал мелко подххатывать.

Начальник, хлопавший его по спине, осмотрелся, потер крепко ладони и качнул головой:

– Да-а, хорошие у вас быки, мужики!

И пошел дальше вместе с остальными. Иван потоптался на месте, обстучал затем о кормушку навоз с сапог и ощутил вдруг такую пустоту в груди, точно и в самом деле уже выплюнул легкие куда-нибудь в угол.

Полоскун, председатель, обернулся и твердым взглядом предостерег Ивана от дальнейшего кашля. А у того в изодранном и корявом горле встал комок и неделю там стоял.

К вечеру того дня метель налетела с новой силой, и Иван очень надеялся на то, что «Победу», прикатившую из края, где-нибудь снесет в кювет и забуранит.

Утром его вызвал Полоскун. Вместо мяса накидал целую кучу матерков. Потом велел зайти на склад и получить луку и три килограмма пшеницы. Этот лук теперь они и варили. Санаторий откладывался...

Дева Мария

Маруся Белорукова весь вечер шоркала тяжелой шваброй полы в школьном коридоре, потом прошлась по классам: проверяла – не валяется ли что-нибудь, чистые ли доски, может, мел где ребятишки растолкли... Тряпкой промахнула черные крышки парт, у директора в кабинете вымыла с мылом крашеную белую дверь. Он, директор, сказал ей еще утром, чтобы к завтрашнему дню все сияло, как солнце, что приедет из района проверяющий, что проверяющий очень строгий и «всем будет тошно».

– Всё тут отмыть-отутюжить! – Директор, стирая в воздухе невидимое белье, потер костяшками пальцев друг о друга. – Ни пятнышка!

Тоже, видать, переживал.

Из-за объявленной строгости проверяющего не было последнего урока: мальчишки лопатами расчищали во дворе снег, а девчонки скребли и мыли классы. Вот Маруся теперь и смотрела, чтоб уж солнце, так – солнце...

Ничего прибрались. Хорошо. Сиять не сияло, где там сиять – почернела школа за последние военные годы, но все же чисто было. Благодать. Так-то бы всегда, и ей бы работы меньше.

Утром она встанет пораньше, печки протопит получше, а то на окнах аж иней. Все будут довольны. И проверяющий не рассердится.

Она как-то не боялась проверяющего, а вот, когда перед выборами приезжал уполномоченный – ее аж трясло. Страшно было; и само слово, и то, что мог сделать уполномоченный, а что он может сделать, она не знала, и было от этого еще страшнее.

Маруся подумала-подумала и решила заранее, с вечера, затащить дрова, чтобы обсохли за ночь, и горели жарче.

Управилась часам к восьми. Темно уже на улице было. Луна мутнела за тонкими рваными тучами, февраль то и дело буранил, морозил. Весной даже не пахло. Эх, Сибирь-матушка; не зря сюда людей ссылали... А там, глядишь, март придет... Придет марток, надевай двое порток.

Маруся передернула плечами под истертым стареньким полупальто, оставшемся от мужа, придержала от ветра подол серой мешковатой юбки и, замкнув школу, скорым шагом направилась за угол, домой. Они с дочерью Шуркой жили здесь же, при школе, в небольшой полуподвальной комнате; в ней должна была быть кочегарка, но что-то там не вышло, наделали в классах печей, а кочегарку отдали под жилье сторожа-технички. Очень хорошо получилось: из-за комнаты Маруся и пошла на работу в школу. Их с Иваном дом сторел в самом начале войны, от прежней жизни остались сажа, собака Тузик да дочка инвалидка. И вот пошли они скитаться по чужим углам. С муками, со слезами... Тузика пришлось прогнать, никто с ним брать к себе во двор не хотел, и бегал он беспризорно по улицам, а когда видел Марусю, то прямоком катился к ней рыжей шапкой. Хвостом крутил и подтягивал. А она бежала от него, отворачивалась, и каждый раз хотела не плакать, и каждый раз плакала...

Тузика убили вскоре. Полез, видать, к кому-то погреться, ударили по голове. Нашли его ребятишки, в сугробе, в крови, прибежали: «Тетя Маруся! Тетя Маруся!.. Там ваш Тузик...»

А потом ее в школу взяли, освободилось место. Жилье дали, и дрова давали, а уж она безотказно трудилась; что бы Леонид Семенович, директор, не велел – все старалась сделать в срок и на совесть. Леонид Семенович – фронтовик, человек военный, требовательный... Его Маруся боялась и уважала. У нее тоже муж фронтовик. Только вот пропал куда-то, второй год ни слуху, ни духу. Тяжело, когда не знаешь чего ждать. А главное Шурка немощная, ноги не шевелятся, висят плетями. Врачи говорят, позвонок куда-то отошел, пережал нервы. Не будет больше ходить никогда.

Пока убиралась в школе, Маруся несколько раз сбегала домой, печь растопила, картошку в чугуне поставила на огонь, велела дочери присматривать. Хотя какой тут присмотр, если

сидит она на койке, у стены, а печка возле порога у другой стены. И дотянутся до нее (пусть и небольшая комнатуха) Шурка ни за что не сможет.

И как это позвонок отошел? Куда? Этого Маруся понять не могла. Она пыталась представить как оно там – внутри, трогала свой позвоночник, шуркин... Вроде так же. И не больно ей даже! А вот ушел позвоночник, гад такой, и осталась девка без ног. Кому она такая нужна? Да еще без отца? А вернется отец, спросит, что, мол, Маша, дочь не сберегла? Что отвечать?..

Эх! Да что-нибудь бы ответила, вернулся бы. А то, как отрезало, ни единой весточки. Кто ж так делает? Ну что ж, так в первый день его и убило? А как же другие?.. Ушел, а ты тут как хочешь!..

Одной ей тяжело, намучилась так, что хоть бы вот лечь и никогда не вставать. Проснется бывало перед утром, рассвет еще не наступил, серо, холодно... Как в могиле. И идут дни, идут... Никакой радости в них, и впереди нет радости. Начнет шептать, молиться... Хорошо, если заплачет, тогда уснет и станет легко. А день придет, днем не до тоски, жить надо.

...Проверяющий явился рано утром, приехал на коне. Небольшие санки-козырьки стояли прямо у крыльца. У лошади подвязан мешок с сеном к морде. Хрустит стоит, на Марусю и не глянула толком, покосилась да ушами дернула. Ну и пусть!.. Генеральша какая!

Ребятишек в школе еще нет. От лампы свет красный по коридору. А по углам темнота... Пусто. Тихо. Только дрова в печах пощелкивают-потрескивают. Рано приехал проверяющий, а Маруся еще раньше встала. Успела крыльцо еще на раз разместить, печи затопить. Хорошо теперь в школе.

Приезжий прямо в шинели (тоже видать фронтовик) ходил по классам, держа в руке мохнатую невоенную шапку. Директор шагал сбоку, и старался не семенить, все же и он воевал, и бояться проверяющих ему не пристало. Напрягался от этого, ходил с деревянной спиной. Что-то иногда говорили глухо, что – Маруся не слышала.

Называл директор приезжего Ильей Викторовичем. Да ей что за дело. Она стояла в сторонке, не знала, здесь ей нужно находиться – вдруг спрос какой – или можно уйти, не путаться у начальства под ногами?

Пока думала, вот и они, долго ли обойти пять классов, школа не больно велика. Подошли к двери, возле которой Маруся стояла с тряпочкой в руке.

– Еще какие-то помещения есть? – спросил проверяющий директора. Но даже головы к нему не повернул. И, правда, строгий! А голос знакомый.

– Кабинет мой, учительская... Да! Еще комната уборщицы нашей – вот, – и кивнул в ее сторону.

А та стояла с улыбкой во весь рот. Вот так Илья Викторович! Это же Илюха Сичкарев! Ухажер ее бывший; было дело, шагу ступить не давал. В тридцать пятом уехал куда-то, сказал: «Комсомол зовет». А она осталась. Позже Иван Белоруков посватал, и Маруся пошла за него. Стали они жить – Иван да Марья. Но Илью вспоминала еще долго. Веселый был, песни пел... А глянь какой строгий мужик из него вышел!

Илья с директором остановились рядом с ней.

– Сторож наш, и уборщица, и вообще... – Леонид Семенович повел рукой по кругу. – Справляется.

– Вижу. Хорошо, мамаша, убирается. Вот только лампу в угловом классе почистить надо.

Улыбка еще на ее лице жила, а Маруся уже испугалась. И забыла, что не злодей перед ней, а Илья. Как же это – лампа-то!..

Директор кашлянул.

– Я утром занес из кладовой, чтобы ярче... Она не видела ее еще. – И Марусе: – Почисть!

– Щас же иду! – И угнувшись, стремительно двинулась по коридору, тотчас исполнить, чтоб, значит, сияло, так сияло.

– Вот-вот, иди! – Раздался у нее за спиной директорский голос с повторной строгостью. И уже в сторону, мягко: – В кабинет?

Маруся сбегала, начистила стекло у лампы, протерла ее со всех сторон и скоренько пошла домой. Что-то сварить надо, да и спрятаться от греха. Вот тебе и Илья!

А через час примерно, дверь в ее комнату отворилась, и сверху длиннополая тень легла на ступени. Илья пришел.

Вспомнил все же!

Следом вошел и директор.

Маруся подскочила, и, не замечая того, встала как солдат навытяжку. Снова у нее в руке тряпка оказалась.

Она что-то перетряслась вся перед тем. Нехорошо было на душе. Прямо какая-то ночная тоска. Сидели с Шуркой на кровати, закутавшись в одеяло. Она говорила что-то, говорила... Опять было такое на сердце – лечь, уснуть и не вставать. Отчего же это? Может, обида взяла, что мамашей назвал? Да какое там!.. Ну – не разглядел. Темно. А кто она? Мамаша и есть. Дочь у нее. Да еще жизнь – какая? Согнула всю... Нет! Не то. Как-то холодно внутри...

– Как живете? Печь в каком состоянии? – услышала она голос Ильи. И в классах к каждой печке подошел, оглядел. Она через двери видела – даже наклонялся. И тут вот – про печку первым делом. Пожара боится!..

– Слава богу. Не дымит.

– Хорошо. А это дочь ваша?

– Шурка, – только и сказала Маруся.

– А что на кровати сидит? Матери не помогает?

– Так это... – Маруся растеряно оглянулась. В деревне все знали про ее горе, а тут... – Не может она. Ноги не ходят.

– Ноги? К врачу надо.

Не узнал он ее. Ни на граммулечку не узнал. Да и пусть! Пусть уж уходит скорее.

Чего она боялась, сама не знала. Ведь похвалили ее за уборку, и облигацию госзайма она взяла, как положено. На целых ползарплаты. Самим есть нечего, а взяла... И уже второй раз за год. Чего бояться-то? Веселей надо!

– А вы, может, присядете? Илья Викторович! – И тряпкой стала обмахивать табурет.

– В другой раз. Дела еще...

И уж поворачиваться стал, да на шкаф глянул.

– А это что у вас? Икона что ли?

Леонид Семенович только носом зашипел.

– Белорукова! – И еще раз носом зашипел.

– Икона, – покорно ответила Маруся.

– Какая еще икона! – Всем видом показывая, как он сокрушен, воскликнул директор.

– Дева Мария.

– Какая еще Дева Мария! – Леонид Семенович смотрел на нее, стуча в воздухе пальцем по несуществующему столу, а глаза косил все время в сторону – на проверяющего.

– Так какая?.. Матерь Божья... – Голос ее упал чуть не до шепота. Вот оно, чего боялась, не зная еще!

– Какая еще Матерь Божья!

На это она уже не знала что ответить.

– Верующая нашлась!.. – Вздохнул горестно директор. И проверяющему: – Это так она чего-то. Блажит.

– Икону уберите, – сказал спокойно Илья. – Ей тут не место.

И повернулся уходить.

Узкая спина его в шинели, высокая, прямая, как столб, встала перед глазами Маруси. И в этот столб она произнесла:

– Почему? Я вот – Шурке чтоб, калеке. Дом тут мой, как же?..

– Не дом, а школа, – сказала спина. И твердо добавила, зарубку поставила: – Леонид Семенович.

Все ясно. Обсуждению не подлежит.

И шаги застучали по ступенькам вверх.

Директор пришел через полчаса.

– Ну, ты что?

– Что?

– Дурочкой не прикидывайся. Икону почему не убираешь?

– Так нельзя нам без нее, – Маруся смотрела растеряннo. Понимала, что-то нехорошее случилось. Но еще не верила, что ничего не изменить, не вернуть.

– Ты что плетешь? Тебе сказано – школа!

– Леонид Семенович!

– И не говори даже! Ты работница хорошая, так-то тебя бы сразу гнать надо за такие происки, а так...

– Какие происки? Какие такие происки?.. Это же нам с Шуркой... Это вся надежда наша.

– Оооо! Да тебе сколько лет? Ты ж молодая еще, а как бабка ухватила за эту доску. Да и... Нельзя! Школа здесь!

– Я ж дома у себя.

– Нет в школе! – Повторял директор слова проверяющего. – Вроде как дома, но в школе! В советской школе. И всевозможным богам тут не место.

– Это не Бог, это Матерь Божья. Леонид Семенович! Гляньте на Шурку мою. Без ног девчонка.

Директор руками хлопнул по коленям себе.

– Это тут при чем?

– Леонид Семенович, миленький, – Маруся уже ничего не боялась и слов не выбирала. – Пусть бабка я, пусть отсталая, – он только морщился от ее слов, – но по-другому как нам? Я без мужа...

– Придет...

– Шурка не ходит...

– Пойдет...

– Да как пойдет-то?

– Маруся. Ты послушай!.. Ма-ру-ся! Не поможет тебе бог, если врачи не помогли. Да и нет его! Ты что?

– А как же жить нам тогда!

Слезы текли из ее глаз. Но их никто не замечал. В том числе и Маруся. Она, директор и Шурка с кровати смотрели на икону. Крутанут головы друг к другу и – опять к ней. Кивали, руками махали...

– Леонид Семенович! Кому вред от нее?

– Ого-го!

– Я молюсь Божьей Матери, никто не слышит. Никто не видит... Я прошу ее...

– Да толку то!

– Я прошу ее пожалеть нас с Шуркой. – Слезы лились, уже не останавливаясь. – Она мама Богу, она дите носила, ей жалко его было, а мне-то как... Мне-то как жалко!.. Она услышит наши молитвы, пожалеет нас да попросит своего Сыночка... Сыночек, скажет... – Маруся захлебнулась в рыданиях, но все же хотела закончить: – Сы-ы-ночек... А он смиростивится, увидит наше горе...

Директор красный весь стоял, но все тряс головой.

– Нельзя! Сама слышала. В общем, выбирай – или икона, или школа.

Вечером Маруся ушла. Сняла у знакомой старухи угол в низком домике в одну стопку, с замерзшей рябинкой под окном. Перевезла из школы на санках несколько мешков пожитков, на них же потом – Шурку. Зашла к Леониду Семеновичу в кабинет.

– До свидания. Извините уж нас.

– Э-эх!..

– Нельзя нам без нее, – прижимая под мышкой икону, завернутую в платок, тихо сказала она. – А то, может, молилась бы я потихонечку?..

– Э-эх! Мария... как тебя... Ма-ри-я!

И она ушла. Весной переехала в другие места. Куда-то в предгорья Алтая, к синим подножиям его, к красным за полями закатам. Люди говорили потом, после войны уж, видели ее, Иван так и не вернулся с фронта. Еще говорили, Шурка ее на ноги встала, пошла.

Год 1950. Ванька Чернов

Ванька дожил до зимних каникул. Наконец-то можно было подальше закинуть холщовую сумку, с которой он ходил в школу, и с Петькой Ветошкиным, другом-приятелем, рыть пещеры и кататься на пруду с бугров, наметенных за старыми ветлами. Они еще осенью утащили от бани бабки Захватаихи кадку и вот, наконец, дождались своего часа (бабка тогда кадку так и не нашла, потому что хитрые Ванька и Петька сразу же разбили ее на плашки и распилили эти плашки по бурьянам за огородами), теперь они из гнутых дощечек изготовили лыжи.

Ванька Чернов, правда, свои лыжи уже успел проиграть в бабки, и Петьке пришлось временно поделиться своими: взяли по одной накануне и вечером опробовали. Здорово! Еще интереснее. На одной ноге несешься вниз, а другой водишь для равновесия. Ветер свистит в ушах, леденит шею, а чуть оплошал – головой в сугроб. Хорошо! А самое счастье, когда тебя и качало, и мотало, а все же удержался: «Петь! Петь! Я вот так от на ногу присел, вот так от скривился весь и не упал. Потом встал даже... Давай еще по разу!»

...На окнах в классе лед. Дрова в печи горят плохо. Шипят. Ну, ничего, последний день сегодня. А там уж, когда придут снова в школу, до лета недолго останется. В марте уже солнце греет, отец говорит: «В марте цыган шубу продает». Ваньке непонятно: почему? Осенью, значит, опять покупать? Или у него шуб много?

Последним уроком «Родная речь». Мария Семеновна читает «Серую шейку». Все переживают за уточку, не хотят, чтобы лиса до нее добралась, затаив дыхание, следят за действиями храброго мальчика, спасшего ее от холода, голода и лисы.

Закончив читать, Мария Семеновна спрашивает:

– Ну, дети, что вы можете сказать про этого мальчика? Какой он был?

Тут же над партами встает лес рук, самые нетерпеливые выкрикивают с мест, не дожидаясь, когда их вызовут. Мария Семеновна сдерживает детей движением руки и довольно улыбается:

– Таня.

– Он был добрым!

– Сережа.

– Он был храбрым и честным!

– Так.

Начинаются беспорядочные выкрики: на всех, если по очереди, хороших качеств мальчика не хватит, вот каждый и спешит:

– Он был справедливым.

– Он лису не любил, она хотела съесть утку.

– Он любил свою Родину!

– Конечно, – вновь улыбается от стола Мария Семеновна. Лицо ее торжественно: – Он любил свою Родину. Как и все мы. Потому что наша Родина такая, что не любить ее нельзя. Только в ней живет по-настоящему счастливо. Вот потому, что мы так все любим свою Родину, мы и победили в войне. Родина – мать, умей за нее постоять. Но нужно уметь постоять и за слабого. Как вот этот мальчик. Серая Шейка была слаба, и он ей помог... Что тебе, Лантратов?

С задней парты тянул руку Филя Лантратов. Он сидел в третьем классе уже второй год, еще по году – в первом и втором. Филя был здоровый, губастый, ушастый, шептал всегда что-то себе под нос, у доски никогда не отвечал, и относились к нему в классе как к дурачку, но боялись: кулак у Фили тяжелый, даст по макушке – свалишься на пол не пикнув.

Все с интересом повернулись к нему. Мария Семеновна опешила – она не помнила такого, чтобы Филя поднимал руку. Это все равно, если бы ель, черневшая сквозь лед на окне, взяла бы вдруг и подняла лапу.

– В туалет хочешь? – догадалась учительница.

– Нет, про мальчика сказать... Какой он был.

Говорил Филя как в бочку, «а», «ж» и еще кое-какие буквы выговаривал натужно, с усилием растягивая губы.

Ванька хоть и ждал звонка и только о том и думал, как они с Петькой побегут на пруд, тоже повернулся к Филе.

– И какой же он был? – заинтересованно склонилась вперед Мария Семеновна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.